

6 августа 2013 года 14:17 | Сергей Ищенко, Майя Мамедова

Текст

Фото

Видео

Виктор Мишин: «Если у молодежи нет будущего - нет будущего у страны»

Председатель Правления Коммерческого банка «Крокус-банк», в прошлом - секретарь ЦК ВЛКСМ, секретарь ВЦСПС, первый заместитель в Управлении делами ЦК КПСС ответил на вопросы СП

Сергей Ищенко: Уважаемые читатели и почитатели «Свободной Прессы», хочу напомнить, что в этом году 29 октября исполняется 95 лет комсомолу, организации, которая многим памятна и многим дорога. Кто-то, может, и не помнит уже о ее существовании, тем не менее, мне кажется, очень уместным разговор с нашим гостем. У нас в студии сегодня Виктор Максимович Мишин. Старшее поколение наверняка помнит его, так как он был главным комсомольцем страны, первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Здравствуйте!

Виктор Мишин: - Добрый день!

С.И.: - Вы четырнадцать лет из своих семидесяти, вам недавно исполнилось семьдесят, профессионально работали в комсомоле.

В.М.: - Нет, восемнадцать с лишним лет проработал профессионально в комсомоле. Прожил в комсомоле!

С.И.: - А последние семнадцать лет в бизнесе, так? Какая строка биографии вам дороже всего?

В.М.: - Я - счастливый человек. Куда бы судьба меня не заводила, всегда казалось, что самый яркий и дорогой период в жизни – это работа в комсомоле. Комсомольское братство, как бы пафосно ни звучало, существует. Я, как человек, проработавший многие годы в профсоюзах и в партийном аппарате, хочу сказать, что отношения в комсомоле были самыми искренними, потому что они складывались в молодости. Там не нужно было думать о выгоде знакомства или дружбы, нравится человек – дружишь, не нравится – не дружишь.

С.И.: - У нас через комсомол прошло все население страны. Каждый молодой человек был комсомольцем. Но не у всех такие искренние чувства сложились.

В.М.: - Я имею в виду профессиональную работу в комсомоле.

С.И.: - Вы говорите о руководителях комсомола?

В.М.: - Да.

С. И. - В каких формах сейчас существует ваше братство? Вы встречаетесь, общаетесь?

В.М.: - Во всех городах и весях нашей страны в конце октября встречаются воспитанники комсомола. Существует организация воспитанников «Мое отечество». 80-летие комсомола, 85-летие, 90-летие, 95-летие мы отмечаем заметными крупными праздничными мероприятиями. Сейчас на 95-летие будет большой, подчеркиваю, большой концерт в Кремлевском Дворце, то что раньше называлось Кремлевским Дворцом Съездов. Создан международный комитет по подготовке к юбилею. Этот праздник будут отмечать и в странах зарубежья. Мы думаем пригласить Эгона Кренца из бывшей ГДР, а теперь из Германии, Станку Шопову из Болгарии, в общем, многих наших коллег, с которыми мы поддерживаем дружеские отношения.

С. И: - Виктор Максимович, мы вернемся еще к 95-летию, а сейчас я хочу спросить у вас насчет современности. Многие считают, что у нынешней молодежи нет социальных лифтов. Вы в свое время сделали большую карьеру. Вы из обычной рабочей семьи, как я знаю, оказались на вершине комсомольской и партийной власти. Как вы полагаете, в советское время эти социальные лифты были или нет?

В.М.: - Конечно. Приведу такой пример. В комсомольской бригаде, в институтской группе, выборы проходили по принципу «только не меня».

С.И.: - Да, я сам так участвовал.

В.М.: - Но человек входит во вкус, это не означает, что он завязтый карьерист. Секретарь комитета райкома каждый год проходил некое чистилище в виде тайного голосования. Придут 25% на выборы, а кое-где и 25% населения не приходят голосовать, проголосуют 50 + 1 и считают, всенародно избранным. А раньше, приведу пример, как было. Секретарь комитета комсомола с завода им.Лихачева. 1100 делегатов конференции, а всего на ЗИЛе было тогда тысяч восемнадцать комсомольцев. И вдруг против избрания действующего секретаря комитета комсомола в состав комитета выступают порядка 60-75 делегатов. Естественно он в состав комитета избран, естественно он избирается секретарем комитета комсомола, но через три месяца, а он член парткома, его отправляют заместителем руководителя производства холодильников под очень мудрое хозяйственное руководство. Через два-три года его переправляют на Смоленский завод литья директором, спустя еще три года он возвращается на ЗИЛ. Вот как раньше работали. А почему против него проголосовали 60-70 человек? Потому что стал уж больно опытен: и член парткома, и крупный начальник, а на такое народ сразу реагирует.

С.И.: - Это зависть?

В.М.: - Нет, это не зависть. Но реагировать начинают, значит, заелся немного. Партия его не выкинула, а подвинула. А сейчас что происходит. Надо делить молодежь на наших и не наших. Есть такая организация «Наши». Потом «Бредущие вместе» под руководством, которое ни в Бога, ни в черта не верит, ребята жгут книжки небезызвестного писателя. Бредущие вместе, значит, идущие. Столько денег, сколько тратили бывшие руководители Росмолодежи на подготовку и подготовку Селигера, обласканного вниманием...

С.И.: - Так он и сейчас проходит.

В.М.: - Да, он и сейчас проходит. Дай десятую часть человеку, я правда уже пожилой, от той суммы было бы гораздо лучше. Чего сейчас нет: вот эта сотня или полутысяча президентская, что она может? А тогда от простого к сложному люди шли. Человека замечали и поддерживали, вели. Вы можете сказать, где у нас сейчас президентская сотня?

С.И.: - Понятия не имею. И конечно я не знаю, кто в нее входит.

В.М.: - А в комсомоле видно было сразу: если человек немного больше думает о себе, а не об общем деле, его спокойненько сдвинут. Устремления карьерные были, конечно, но в хорошем смысле этого слова. Тогда не было понятия социальной элиты. А по сути, весь комсомол был резервом и помощником партии. Боюсь сказать, но вроде бы еще три года назад не было ни одного субъекта федерации, где либо губернатор, либо его зам не был бы заметным воспитанником комсомола в прошлом.

С.И.: - Кстати, вас не удивляет, что многие работники комсомола, произносившие раньше пламенные речи с трибун в защиту коммунизма, после 1991 года так легко приспособились к нынешней действительности, стали Ходорковским, стали Матвиенко.

В.М.: - Ну подождите. Валентина Матвиенко была членом бюро ЦК, работала в Ленинградском обкоме комсомола.

С.И.: - Вы ее тогда знали лично?

В.М.: - Конечно. Мы вместе работали в бюро и достаточно хорошо общались. У нас и сейчас есть Николай Миркушкин, бывший руководитель Мордовии, сейчас руководитель более ответственного региона. Людмила Швецова была высокоэффективным менеджером в правительстве Лужкова. Она что разве где-то выступала против советской власти или против униженных и оскорбленных? Она была вторым номером, когда избирали Московскую Городскую Думу нынешнего созыва. Платонов шел четвертым или пятым номером. Выборы во многом состоялись, благодаря тому, что Людмила Швецова вела социальный блог. А сейчас она не член «Единой России», но член Народного Фронта и зампред спикера Думы. Например, Николай Левичев – заместитель председателя Думы и председатель партии «Справедливая Россия». Он тоже был заметный комсомолец, работал в отделе культуры в ЦК в Ленинграде.

С.И.: - Наш читатель, Новиков Сергей Владимирович, задает вам вопрос. «В вашу бытность в ЦК я работал в Татарском обкоме комсомола. Без идиотской иронии, комсомольцы пошли в банкиры, я лично преподавал в университетах, Ходорковские появились позже. Это тоже наша вина. Расскажите, что для вас комсомол, какую школу он давал, и главное, что сейчас делать с молодежью, на ваш взгляд? Ведь всякие нашисты, сурковы, департаментные якименки с селигерами – это не работа. Недавно в Москве проходил мимо здания ЦК ВЛЕСМ, там кофейня на первом этаже. Что бы вы сделали, если бы вернулись в тот свой прежний кабинет?»

В.М.: - Я в этом кабинете часто бываю. Более того в здании ЦК работает штаб по подготовке 95-летия комсомола, там располагается Российский Союз Молодежи, не политическая организация. Сегодня более 500 молодежных организаций в стране. Вернуть комсомол в том виде, в каком он существовал, наверное, невозможно, да и вряд ли нужно. Но должна быть организация или совет молодежных организаций, которые могли бы представлять молодежь.

С.И.: - Должна быть единая организация, по вашему мнению?

В.М.: - Боюсь, сейчас невозможно создать единую. Однако, вопрос заключается в том, чтобы молодежь слышали и слушали. Для чего мы проводим эти юбилейные праздники? Мы каждый год отмечаем день создания комсомола. Не для того, чтобы по небритым щекам размазать слезы умиления, обняться и вспомнить, какие мы красивые и молодые были. Мы делаем это для того, чтобы обратить внимание государства на проблемы детей и молодежи.

С.И.: - Получается?

В.М.: - Да не очень. Но мы надеемся, что птичка по зернышку клюет, но сыта бывает.

С.И.: - Знаю, что вы были одним из тех, кто поставил свою подпись под обращением к Путину по поводу молодежной проблематики и насчет необходимости создания молодежной организации.

В.М.: - Да-да.

С.Ш.: - Ну и что, ответил Путин?

В.М.: - Не скажу, что ответил, но подвижки есть. Тот факт, что первые лица государства ездят на Селигер, и сейчас, когда там уже нет Якименки, не преобладают нашисты. Там уже более аполитичные смены, тематические, более деловые. И приезд первых лиц означает, что есть понимание, что с молодежью надо работать. Давайте вспомним советские времена, я был достаточно информированный человек тогда: не было у нас и сотой доли того, что происходит теперь с молодежью. Мы видим миллионы неграмотных подростков, тогда как в советское время, уход из школы ребенка, не окончившего 8 классов, был ЧП районного масштаба. Все: и райком комсомола, и комиссия по делам несовершеннолетних, и райком партии естественно занимались этим ребенком. А сейчас он никому не нужен. А что с наркоманами происходит?! У нас во время войны не было столько беспризорников, сколько сейчас их в стране.

С.И.: - То есть, вы полагаете, что можно было бы создать некую организацию, которая бы занялась всеми этими вопросами?

В.М.: - Нужна осмысленная государственная политика по работе с молодежью, единой организации сейчас уже не получится создать, я думаю.

С.И.: - А можно создать министерство по делам молодежи?

В.М.: - У нас же Федеральное агентство по делам молодежи было.

С.И.: - Но как я понимаю, агентство – это организация рангом ниже.

В.М.: - Смотрите, в чем дело: деньги – у федеральных агентств, а идеологию и политику вырабатывает министерство. В итоге гранты получают только нашисты и «Бредущие вместе». Нынешний министр Московской области Олег Розанов раньше был первым секретарем Российского союза молодежи, который не является правопреемником комсомола, у комсомола вообще не может быть преемника, но хоть каким-то боком сохраняет здание, мимо которого ходил наш читатель. У нас довольно конструктивное общение с ними безо всякого желания с нашей стороны обратить их в нашу коммунистическую веру. Если у молодежи нет будущего, нет будущего у страны. На мой взгляд, сейчас и руководитель страны начинает это понимать.

С.И.: - А вы поддерживаете мнение, что нынешняя молодежь - это потерянное поколение?

В.М.: - В определенной степени, да. К сожалению, это так.

С.И.: - То есть, это уже безвозвратно? Можно говорить только, о тех поколениях .которые придут?

В.М.: - Конечно. Был лозунг : «Кто идет за Клинским?» и все бежали за Клинским. Ну что это? Что мне сейчас нравится, это - восстановление авторитета образования. Одно же время образование было вообще неважно. Лучше было купить ящик пива и продать его подороже. И уже ты – бизнесмен. Слава Богу, наелись этим делом. Не знаю, чувствуете ли вы или нет, но я вижу четко, что авторитет образования возрастает. Это не значит, что я одобряю то, что сейчас происходит с Академией Наук. Я надеюсь, что я застану то, как государство начнет проводить более осмысленную политику в отношении молодежи.

С.И.: - То есть, вы оптимист в данной ситуации?

В.М.: - Да. Я всегда был оптимистом. А иначе жить просто тяжело.

С.И.: - Давайте вернемся к вашей биографии. Комсомольский и партийный билеты сохранились?

В.М.: - Конечно! Я даже сейчас помню номер своего первого комсомольского билета: 22245330. Это я получал еще в техникуме. Меня в школе не приняли в комсомол. Знаете почему? Я был председатель совета отряда. Класс хорошо учился, хорошо собирали макулатуру и металлолом. Казалось бы. Мне совет дружины не дал рекомендацию в комсомол!

С.И.: - А почему не дали?

В.М.: - А видимо товарищи считали, что я держу Бога за брата уже. Потому что председатель совета отряда должен поступить в комсомол, хорошо учился, класс хорошо учился.

С.И.: - Для вас это было большой трагедией?

В.М.: - Да. Это был большой удар. Меня и кандидатом в члены партии приняли не сразу. Хотя я был председателем студенческого профкома в МИСИ. Тоже казалось бы. Декан факультета, Юрий Сергеевич Буров, фронтовик, инвалид войны, дает мне рекомендацию. На комитете комсомола, куда я пришел, знаете ли, не как на прогулку, были повышенные требования и ко мне тоже. Я тогда был просто в шоке. А потом все-таки через несколько месяцев дали рекомендацию, и выбрали кандидатом в член партии и в том числе в оргкомитет комсомола при МИСИ.

С.И.: - Скажите, вот если пофантазировать. Если бы СССР не развалился, кем бы сегодня был Виктор Мишин?

В.М.: - Пенсионером, наверное. Я был бы пенсионером Союзного значения.

С.И.: - А каково ваше отношение сегодня к коммунистической идее, в частности, являетесь ли вы членом КПРФ?

В.М.: - Нет. Но с большой симпатией отношусь к партии и поддерживаю теплые дружеские отношения с Геннадием Андреевичем Зюгановым, с Иваном Мельниковым. Не хочу идеализировать коммунистическую идею, но нельзя отрицать, что она, эта идея социального равенства, даже с известной долей извращения на каком-то последнем этапе правильна и имеет большую перспективу.

С.И.: - Вы работали с тремя генеральными секретарями ЦК КПСС. Наверняка были личные беседы с ними, вы бывали у них в кабинетах.

В.М.: - Ну естественно.

С.И.: - Вы работали с Черненко, Андроповым, Горбачевым.

В.М.: - Да.

С.И.: - С кем было легче, интереснее, труднее работать?

В.М.: - Должен сказать, что Юрий Владимирович Андропов – человек, реально представляющий нашу жизнь, мало кто это помнит, но я обратил внимание на это. Когда было торжественное заседание, посвященное годовщине образования СССР. Мы считали, что национальный вопрос у нас полностью решен. И он впервые сказал, что национальный вопрос в том виде, в котором он нам достался, решен.

С.И.: - Это ключевая фраза: «В том виде, в котором он нам достался».

В.М.: - Точно. Посмотрите, что творится с мигрантами, таджиками, туркменами. А говорят, что вопрос решен. Даже наших граждан тащат с Северного Кавказа. У нас сегодня среди русских на бытовом уровне есть национализм.

С.И.: - Он, наверное, был всегда? У какой-то части населения.

В.М.: - Нет-нет-нет. Я помню «дело врачей» на бытовом уровне. Это были сталинские времена. Это было дело людей нерусской национальности. Мы тогда жили в Ростокино, это городок Моссовета, Проспект Мира, барак. У нас там были евреи. Но на бытовом уровне никогда не возникало вопросов антисемитизма. У меня и сейчас много друзей: и Шухрат Султанов в Таджикистане, и Жанна Чарыева в Туркмении...

С.И.: - Возвращаясь к Андропову, он предвидел, что впереди нас ждало такое обострение?

В.М.: - Нет. Зная, вспомнить те времена, у нас просто без ничего, просто за счет дисциплины у нас прилично вырос ВВП, без всяких постановлений.

С.И.: - Ну я помню андроповские времена...

В.М.: - Знаю, что вы сейчас скажете. Вот вас ловили?

С.И.: - В кинотеатры ходили в рабочее время. Нет-нет, меня не ловили, я не ходил в рабочее время в кино.

В.М.: - И я тоже не ходил. Вот смотрите. Звоню тогдашнему председателю Московского комитета КГБ, мудрейший дед был. Я его спрашиваю: «Виктор Иванович, может, по вашей линии прошла какая-то команда?...». Он говорит: «Я тебе клянусь, ничего не было!».

С.И.: - То есть, это разговоры всё?

В.М.: - Нет, это могло быть. Но это было исключительно местная инициатива. Он бы мне сказал, если бы прошла какая-то команда. Я знаю сам, что разгильдяйства было много: смотрели, чтобы в баню не ходили, в кино не ходили.

С.И.: - Давайте поясним: не вообще в баню не ходили, а в рабочее время. Не все жили в те времена, не все представляют. В общем, Андропов был бы шансом для страны?

В.М.: - Да. Но в истории не бывает сослагательного наклонения. Хочу сказать доброе слово о Константине Устиновиче, не подвергая сомнению тот факт, что нужно было избрать его и только его. Существующее мнение о том, что он ничего не решал, категорически не верно. Я помню его еще вторым человеком в партии, когда Юрий Владимирович его не очень-то и хвалил. Я пришел как-то к нему посоветоваться.

С.И.: - К Черненко?

В.М.: - Да. Написал записку о фестивале. А планировалось, что фестиваль будет проходить во Франции.

С.И.: - Вы говорите о Фестивале молодежи?

В.М.: - Да, 12 Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Мы с друзьями принимали в организации активное участие. Мы видели, что даже при определенной помощи Ленинского комсомола, они не могут. Тогда я прихожу к Юрию Владимировичу и говорю: «Если нам надо, если фестиваль полезен для внешней политики Советского Союза, то тогда нам нужно заниматься и проводить фестиваль у нас». С легким раздражением он мне отвечает: «Да это самый легкий вопрос и выход».

С.И.: - То есть, он все-таки там хотел проводить?

В.М.: - Он говорит: «Попросите Бориса Николаевича Пономарева...»

С.И.: - Секретаря ЦК КПСС...

В.М.: - Да. Почему-то его, хотя он занимался не соцстранами, а капстранами. Я прихожу к Борису Николаевичу, пересказываю свой разговор с Андроповым. Тот звонит при мне Яношу Кадару, такой мудрый дед был.

С.И.: - Который возглавлял компартию Венгрии. Я поясню просто потому, что не все жили в то время.

В.М.: - Руководитель Венгерской Республики и руководитель Венгерской социалистической рабочей партии, он говорит, что должен посоветоваться с товарищами по политбюро. Я звоню своему коллеге, первому председателю Венгерского Союза Молодежи и члену политбюро. Он говорит мне, что стопроцентно уверен, что будет отказ. «У нас такая ситуация в экономике, что даже при вашей помощи мы не сможем сделать этого». Так оно и получилось. После этого я иду к Черненко просто с запиской, не адресованной даже в ЦК КПСС, и смотрю, через день уже в отделах идет его поручение о внесении предложения готовиться к фестивалю. Юрий Владимирович еще живой и дееспособный был. То, что Константин Устинович был не слабый человек, это точно. Выскажу одно соображение. Вот этот хомут власти, который взвалили на себя сначала Андропов, затем Черненко, очень сократили им жизнь. Оставаясь вторыми-третьими лицами, они бы прожили гораздо дольше, при общении с ними это было видно. Ну, а что касается Горбачева, то это было большое разочарование. Вроде бы прошел хорошую школу комсомола, в партии все прошел, молодой мужик, на Западе его уже зовут baby-политбюро...

С. И.: - При каких обстоятельствах произошла ваша с ним первая встреча? Не помните уже?

В.М.: - Встреч было много. Но одна меня поразила. Он был еще вторым человеком в партии, прихожу к нему советоваться по делам. Разговор зашел о проблемах студенческой молодежи, и он произносит: «Вот и Раиса Максимовна подчеркивала это неоднократно». Я тогда подумал: кто такой Песталоцци знаю, кто такой Ушинский знаю, кто такой Макаренко знаю, Крупскую знаю, а Раиса Максимовна, кто такая, тогда еще не знал.

С.И.: - Вы подумали, что это либо крупный политик, либо философ...

В.М.: - Мы просто всем комсомолом воодушевленно восприняли его, молодого мужика с неистребимым русским говором, южным таким, знаете. Знаете, когда он на праздновании начал рассказывать о том, что у него есть детская мечта похоронить коммунизм, что он едет справлять 85-летие в Лондон, ну извините, гражданин мира.

С.И.: - Вы верите в то, что у него была такая мечта?

В.М.: - Не знаю, Бог ему судья. Дальше ехать некуда.

С.И.: - Для наших читателей я поясню, что вы после комсомола работали в ВЦСПС.

В.М.: - Да, в профсоюзе.

С.И.: - А потом были в управлении делами ЦК КПСС...

В.М.: - Я был первым замом управляющего делами, когда уже отменили пятую статью конституции.

С.И.: - У известного Николая Ивановича Кручины, который в августе 91-го, по-моему, покончил жизнь самоубийством, когда развалился Союз, когда случился крах.

В.М.: - ГКЧП случилось, и он вот...

С.И.: - Когда он погиб, я помню, в газетах начали связывать: что он знал о золоте партии, об этой тайне и его убили. Вообще вот эта тайна золота партии, что вы можете сказать?

В.М.: - То, что я знаю: никакого золота партии нет. Хотя генеральный прокурор и потом его зам. Лисов провели месяца полтора в Швейцарии...

С.И.: - Но это же следователи были, все было серьезно.

В.М.: - Ну а толку-то что? Меня вон тоже вызывали к следователю через день.

С.И.: - Вас тоже допрашивали?

В.М.: - Ну, 91-й год вспоминается сложно. Я остался на хозяйстве.

С.И.: - На хозяйстве Управления делами?

В.М.: - Да. Вдруг Силаев издает указ, постановление Совмина, подписанное им, об увольнении всех партийных работников: рассчитать и уволить. Везде и всех. Я звоню: «Иван Степанович, чем вы там думаете, кто у вас там думает, кто вам это подсовывает?». Он тогда был председатель Совмина России. «У нас что, КЗоТ отменили?». А он в ответ: «Виктор, у нас тут начальник юридического управления» и дает ему трубку. Я ему: «Слушайте, вы чем там руководствуетесь? Революционной целесообразностью или кодекс закона все-таки отменили или нет? Что вообще у нас происходит?». Прекратила деятельность КПСС – ради Бога. В связи с прекращением за три месяца заплатите, если на четвертый месяц не устроятся, то ... Это по КЗоТу, действующему на тот период, и сейчас он действует, можно сказать, примерно в такой же редакции.

С.И.: - Он-то свои указания отменил?

В.М.: - Отменил-отменил. Написал новое постановление. Золото партии, которого не существовало. А про Николая Ефимовича, когда он ушел из жизни, говорили и сейчас читают, что его выкинули, зомбировали. Я уверен, что он ушел от позора и от предательства. Он был человек честнейший и щепетильнейший.

С.И.: - То есть, вы считаете, что он сам выбросился из окна?

В.М.: - Конечно. Он был мягкий человек, но принципиальный. Никто бы не смог заставить его написать записку, которую он составил.

С.И.: - Да, тогда много загадочных смертей было. Маршал Ахромеев...

В.М.: - Вот это странно кстати: офицер, который должен был бы застрелиться, он вдруг повесился на батарее. Павлов Георгий Сергеевич, но он был уже старый человек, управляющий делами еще до Николая Ефимовича. Там много было, психоз-то был большой.

С.И.: - Давайте уйдем от генеральных секретарей и вернемся к комсомолу. Многие связывают его с великими стройками, в частности, например, БАМ. Тогда поезда с добровольцами, которые наполняли, отправляли, показывали на телевидении, фанфары, люди туда рвались. Но сегодняшним молодым людям наверно сложно понять, что кто-то хотел ехать в тайгу, работать почти за бесплатно, и никакие материальные стимулы их туда не гнали.

В.М.: - Почему бесплатно?

С.И.: - Нет, я имею в виду, что это не было главным, как понимаю.

В.М.: - На БАМ была серьезная конкуренция при отправке людей. Внимание к БАМ было огромнейшее.

С.И.: - То есть, просились, но кого-то не брали?

В.М.: - Конечно. Но мы отправляли же на многие другие стройки большие: на Ростсельмаш, на Атоммаш в Ростовскую область. По сто тысяч в год мы отправляли.

С.И.: - Это были студенческие отряды?

В.М.: - Нет. Это само собой. Это были Всесоюзные комсомольские стройки, куда мы отправляли народ. Знаете, вот я опять не хочу идеализировать работу комсомола. Пример: маленький городок, работы нет. Лучше они поедут попробовать и проверить себя. Девчонки, может быть, ехали еще и для того, чтобы выйти там замуж, и многие выходили. А ребята, приходившие из армии, если не были востребованы, так как хотели, ехали туда. Комсомол просто вылавливал все эти общественные строения и направлял их в нужное русло. А сколько было сделано для народного хозяйства! Сейчас эта дорога превышает проектную мощность более чем в 1,5 раза. Вот инфраструктуру вдоль БАМа не успели обустроить...

С.И.: - Вы говорите, что люди выдерживали конкурс, чтобы поехать на БАМ, на Ростсельмаш. Сейчас, как вы полагаете, возможен был бы такой же массовый порыв к чему-нибудь, где нет материальных стимулов?

В.М.: - Боюсь, что нет. Все-таки этот вакуум, который появился после 91-го года, сохраняется, хотя его пытаются заполнить патриотизмом. Я думаю, что случись, что народ не пойдет помирать так, как Александр Матросов. Зачем он пойдет? Чтобы потанинские миллиарды, которые он обещает на благотворительные фонды, защищать?

С.И.: - Но без этого не может жить страна! Если никто не пойдет ее защищать...

В.М.: - Патриотизм нужен, конечно. Но мы же с вами знаем, что сейчас некоторые говорят, лучше бы Германия победила во Второй Мировой, которая для нас была Великой Отечественной. Тогда бы мы сейчас пили баварское или мюнхенское пиво, не бегали за Клинским. Мне приятно, что, наконец, в руководстве осознали, что патриотизм нужен и стоит его оживить. Из таких всех эмоциональных вещей только на патриотизме можно всё замешать.

С.И.: - На мой взгляд, про это больше говорят, чем реально делают. Говорить-то говорят постоянно, я согласен, что со страниц газет это не сходит.

В.М.: - Хоть говорят.

С.И.: - Все-таки вы полагаете, осознали?

В.М.: - Нет, ну понимаете, когда молодежью занимались люди, ни в Бога, ни в черта не верующие, трудно воспитать человека не циника.

С.И.: - Вы имеете в виду людей типа Якеменко?

В.М.: - Да.

С.И.: - А вы знаете, что он «ни в Бога, ни в черта не верил» или думаете так?

В.М.: - Я так думаю и ориентируюсь на его некоторые действия.

С.И.: - Скажите, оглядываясь сегодня на свою жизнь прошедшую, вы о чем-то сожалеете, чего-то не сделали?

В.М.: - Я не идеализирую работу комсомола и тем более свою работу там, но по большому счету мне себя не в чем упрекнуть. Знаете, когда я был большой комсомольский начальник, во второй половине дня, а я был охотник, уехать в субботу во второй половине дня на машине своего брата, не на рабочей, а на личной, я звонил Ивану Васильевичу Капитонову, тогда секретарь ЦК партии: «Иван Васильевич, меня завтра не будет в Москве, я буду во Владимирской области». Сейчас у меня есть паспорт, есть Шенгенская виза. Купил билет и полетел, куда хочешь. Материально я живу сейчас куда лучше, хотя я наемный работник, подчеркиваю, я не Ходорковский, не Потанин. Но не могу отделаться от мысли: когда я бываю за границей, мне обидно, что уважение к нам гораздо меньше.

С.И.: - Ну я тоже в те времена выезжал за рубеж, у меня тоже было ощущение, тогда нас больше уважали, чем сейчас.

С.И.: - У вас внуки есть.

В.М.: - Моему полному тезке, Виктору Максимовичу Мишину, будет пятнадцать в августе.

С.И.: - Он может спросить вас: «Дед, вот как такие могучие многомиллионные организации, как комсомол, партия, дали так легко развалить нашу страну?»

В.М.: - В истории сослагательного наклонения быть не может. Мое мнение такое: партия пала в результате того, что мы с молоком матери впитали страшную болезнь, фракционную борьбу внутри партии. Стремление, во что бы то ни стало сохранить единство партии, сыграло злую шутку. Вот как только Генсек партии решил избраться на съезде народных депутатов президентом, надо было отсоединиться от него. А партия была бы сама по себе. А вот это желание, во что бы то ни стало сохранить единство партии, сыграло злую шутку с нами, мне кажется. Я когда уходил из комсомола, от меня мало что зависело. Я рекомендовал своих преемников в порядке убывания: Швецову, Мироненко...

С.И.: - Вот Мироненко и стал, насколько я понимаю.

В.М.: - Да, он и стал. Вот если бы стала первым секретарем Людмила Швецова, история комсомола могла бы развернуться по-другому.

С.И.: - Роль личности в истории. Скажите, Виктор Максимович, наши читатели спрашивают у вас: «Какая система для России лучше: социалистическая или капиталистическая?»

В.М.: - Я думаю, в любом случае - однозначно социалистическая.

С.И.: - Это говорите как банкир?

В.М.: - Нет-нет. Это я говорю, как русский, как россиянин. В нашей стране община всегда была важнее каких-то личных вещей. Социалистическая-то идея благородная по своей сути, послушайте! Сегодня в Швеции социализм, в Норвегии. Правда, тут он поворачивается уже таким лицом, что когда ребенку стоит пожаловаться в школе на то, что его заставляют дома уроки делать, завтра его уже отберут у родителей и поместят в приемную семью, где его не будут заставлять делать уроки. Это в Норвегии. Хотя социально они защищены выше крыши.

С.И.: - Наверно, даже выше, чем в СССР были защищены.

В.М.: - Конечно.

С.И.: - Другой вопрос: «Считаете ли вы себя принципиальным человеком?»

В.М.: - В общем-то да.

С.И.: - Еще вопрос. Вы упоминали национальный вопрос в связи с Андроповым, насколько я понимаю, вы сами участвовали в этом, в урегулировании.. Вы входили в ...

В.М.: - Комитет Особого Управления Нагорного Карабаха. Я был членом комитета. Когда Вольский ушел, я был там на хозяйстве.

С.И.: - Как вы полагаете, увенчалась ли успехом ваша работа и работа комитета?

В.М.: - Нет, конечно. Комитет особого управления выперли. Когда был это комитет, дело обстояло так: два человека отсюда убьют, два человека там убьют, но не было широкомасштабной войны. Как только мы ушли, комитет стал возглавлять второй секретарь ЦК компартии Азербайджана. В результате - разросшийся конфликт. Сегодня Армения оккупирует значительную часть, не говоря уже про Нагорный Карабах, исконно азербайджанских территорий.

С.И.: - Там уже больше оккупированных азербайджанских территорий, чем Карабах?

В.М.: - Да. Сейчас там ни войны, ни мира.

С.И.: - Чем это кончится? У вас есть прогноз?

В.М.: - У меня есть только надежда. Я надеюсь, это кончится чем угодно, но не войной.

С.И.: - Спасибо вам, Виктор Максимович.

Справка «СП»

Виктор Максимович Мишин – москвич, родился 14 мая 1943 года.

Он – выпускник МИСИ им. Куйбышева, в 1967 году получил диплом инженера-строителя. Год после этого работал старшим инженером научно-исследовательского сектора МИСИ.

С 1968 по 1986 г.г. – карьера связана с комсомолом.

В 1991 году Мишин, первый секретарь ЦК ВЛКСМ становится секретарем ВЦСПС - официального и единственного тогда в СССР профсоюза. В том же году уходит в аппарат Управделами ЦК КПСС первым заместителем управляющего. Позже о своей работе он напишет: "Мне пришлось после трагической гибели управляющего делами Н. Е. Кручины вместе с коллегами взять на себя ответственность за цивилизованное прекращение деятельности аппарата ЦК КПСС. В этот период поднялась шумная волна клеветы на партию. В этом числе поиски пресловутого золота партии. В октябре 1991 года в моем рабочем кабинете

и на квартире были проведены обыски. Большого унижения в жизни я не испытывал. Конечно, ничего не нашли. Нельзя найти то, что в природе не существует».

В 1989-1990 годах работал в составе Комитета особого управления Нагорно-Карабахской автономной областью Азербайджанской ССР.

Виктор Максимович - член Совета попечителей Московского Английского клуба; имеет ряд работ по проблемам педагогики и социологии; действительный член Академии педагогических и социальных наук. Женат, у него есть сын.

Фото Владимир Вяткин/РИА Новости

Код для блога

Нравится